Сопоставительный анализ рассказов «Онтология детства» и «Ника» Пелевина

Jakovina, Tea

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:201033

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-26**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences

zir.nsk.hr

DIGITALNI AKADEMSKI ARHIVI I REPOZITORIJI

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

Сопоставительный анализ рассказов «Онтология детства» и «Ника» Пелевина

Student: Tea Jakovina

Mentor: dr. sc. Ivana Peruško, izv. prof.

Akademska godina: 2022./2023.

U Zagrebu, 2. rujna 2022.

Содержание

1. Введение 1
2. Виктор Пелевин и его ранняя проза 2
3. Сопоставительный анализ рассказов *Онтология детства* и *Ника* 4
3.1. Повествовательная структура 4
3.2. Контраст миров 6
3.3. Функция предметов и природы 8
3.4. Иллюзорность концепта свободы и любви 10
4. Заключение 13
5. Список использованных источников и литературы 14
6. Sažetak 16
7. Kratki životopis 17

1. Введение

Основная тема данной работы – сопоставительный анализ рассказов *Онтология детства* и *Ника* Виктора Пелевина. Задача данной работы состоит в изучении сходств и различий этих двух рассказов, обращая внимание на их многоплановость. Рассказ *Онтология детства* входит в первый сборник рассказов Пелевина «Синий фонарь», напечатанный в 1991-ом году. Рассказ *Ника* был опубликован в журнале «Юность» в 1992-ом году. Несмотря на то, что оба рассказа входят в раннее творчество Пелевина, они по стиле совсем другие рассказы. С одной стороны, рассказ *Ника* «интересует исследователей […] как текст, на примере которого можно описать поэтику постмодернизма (или пелевинского постмодернизма)» (Баранов 2018: 341). С другой стороны, рассказ *Онтология детства* «занимает […] особое место в потоке постмодернистской прозы В. Пелевина» и «тексту этого произведения не присуща большая часть художественных особенностей произведений автора» (Пермякова 2016: 77). Но всё-таки произведения Пелевина тесно связаны между собой и его рассказы объединяются «при помощи знаковых деталей, ключевых фигур и идей» (Блинова, эл.публ.). Именно эти аспекты будут изучены в работе.

Работа состоит из введения, теоретической части, сопоставительного анализа двух рассказов, заключения, и списка использованных источников и литературы. Теоретическая часть посвящена поэтике Пелевина и доминантными признаками его ранней прозы. Анализ рассказов разделен на четыре части. Первая часть анализирует повествовательную структуру рассказов и способы, которые автор использует для игры с читателем. Вторая часть посвящена изучению сопоставленных миров мальчика и взрослых в рассказе *Онтология детства* и миров Ники и главного героя в рассказе *Ника*. Третья часть занимается функцией предметов и природы в этих рассказах. Четвёртая часть посвящена иллюзорности. В рассказе *Онтология детства* будет изучена иллюзорность концепта свободы, а в рассказе *Ника* иллюзорность концепта любви.

2. Виктор Пелевин и его ранняя проза

Виктор Пелевин – один из самых ярких, популярных и загадочных писателей современной русской литературы. Большинство исследователей относят Пелевина к постмодернизму, но есть и другие мнения. Макеева считает, что «творчество писателя настолько разнообразно, что не укладывается в строгие рамки какого-либо одного направления» (Макеева, эл. публ.). Фрумкин утверждает, что творчество Пелевина можно разделить на фазу девяностых и фазу нулевых годов (Фрумкин, эл. публ.). Эти две фазы сильно отличаются между собой, а главной особенностью первой фазы является «сосуществование разных реальностей» и «иллюзорность бытия» (Фрумкин, эл. публ.). Генис, описывая произведения его ранней эпохи, утверждает, что «Пелевин – поэт, философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями» (Генис, эл. публ.). Герои его прозы обитают на переделах двух миров – мира реального и мира иллюзорного: «Мир реальный – одно из проявлений иллюзии, а иллюзия, в свою очередь, есть не что иное, как вариант реального существования» (Коваленко 2014: 2). Эти миры субъективные, и на самом деле существуют только в сознании субъекта. Граница между мирами часто размыта и иногда совсем непонятно в каком пространстве находятся персонажи.

У Пелевина особый принцип конструирования ранней прозы: «Это череда бесконечных встроенных друг в друга клеток, и из одной клетки ты можешь попасть только в другую» (Быков, эл. публ.). Крючкова множественные миры в его произведениях описывает как «части общего пазла», и именно такой взгляд «позволяет интерпретировать творческую систему В. Пелевина как органическое единство» (Крючкова, эл. публ.). Общей чертой для ранней малой прозы Пелевина является «субъективная мистическо-философская направленность» (Щучкина 2009: 116). В его рассказах задаются существенные вопросы, на которых однозначных ответов нет, и обсуждаются концепты как любовь, смерть, свобода, детство, смысл жизни. Эти «вечные» вопросы у читателей побуждают «сомнение, [которое] становится движущей силой пелевинской прозы» (Богданова и др. 2008: 80-81). В поисках ответов, от читателя требуется внимание и активность. Пелевинские тексты надо декодировать, так как писатель «вытесняет на повествовательную периферию центральную идею […] своих произведений. Обо всем по-настоящему серьезном здесь говорится вскользь. Смысл происходящего раскрывается всегда неожиданно, невпопад» (Генис, эл. публ).

Ещё одной особенностью ранних произведений Пелевина является игра с читателем. Именно из-за этого он структурирует свою раннюю прозу вокруг таких приемов, как мистификация, интертекстуальность, ирония, ложные отсылки и пр. Через игру усиливается доминантная мысль, которая связывает его творчество: «мир вокруг – всего лишь система зеркал разной кривизны» (Пелевин, эл. публ.).

3. Сопоставительный анализ рассказов *Онтология детства* и *Ника*

3.1. Повествовательная структура

Рассказ Онтология детства – история о мальчике, живущем в тюрьме. Этот факт, что детство мальчика разворачивается в тюрьме, поэтапно раскрывается через детали: «клочок бумаги с отпечатком кирзового сапога, металлическая решетка на окне, нары, параша и т.п.» (Богданова и др. 2008: 82). Повествовательный прием, которым пользуется Пелевин — это поток сознания. Мысли и идеи повествователя набираются и переплетаются. Не совсем ясно о каком временном пространстве идет речь. Крючкова замечает, что для раннего творчества Пелевина характерна модель «ретроспективного времени», чья особенность заключается в «противопоставлении прошлого настоящему» (Крючкова, эл. публ.). Тогда можно предположить, что речь идёт о воспоминаниях взрослого человека на своё детство. Однако есть и другой вариант: время в рассказе можно интерпретировать как «цикличное время», которое воспринимается как «бесконечное движение по кругу» (Крючкова, эл. публ.). Таким способом формируется не история одного человека, а история которая известна всем людям. Важно отметить, что повествование ведётся от второго лица, что способствует созданию рефлексивного ощущения. У читателя возникают ассоциаций с детством мальчика, несмотря на то, что всё происходит в необыкновенном пространстве тюрьмы.

Повествователь находится на стыке двух реальностей и в начале «в одном человеке уживаются и нежный ребенок, и очерствевший взрослый» (Пермякова 2016: 80-81). Потом повествователь начинает через детский взгляд описывать окружающее: «взрослые очень понятны, но сказать про них почти нечего» (Пелевин, эл. публ.). На первый взгляд кажется, что он выдает себя за ребёнка, просто чтобы поиграть с читателем. Однако Голубович утверждает, что здесь речь идёт «не просто [о] мистификаци[и] и умел[ой] маскировк[е] взрослого под ребенка, а [о] обнаружени[и] неких фундаментальных оснований детского опыта» (Голубович 2008: 126). Повествователь в поисках первоосновы детства и жизни, возвращается в прошлое и погружается в мир детства, пытаясь снова увидеть окружающее глазами ребёнка: «это повествование о его лирическом «я», заключенном в «пограничном» мгновении» (Крючкова, эл. публ.).

Рассказ *Ника,* с другой стороны, построен как загадка (Баранов 2018). Её надо расшифровывать, следуя подсказкам, которыми повествователь «намекает потенциальному читателю на правильный ответ, и в то же время запутывает его, играя с естественными нормами построения речи» (Баранов 2018: 340). Герой от первого лица рефлексивно вспоминает Нику и их отношения. Здесь речь идёт о традиционном прямолинейном типу повествования, в отличие от потока сознания в рассказе *Онтология детства*. Рассказ начинается с предложения:

> Теперь, когда её легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре, и на моих коленях лежит тяжелый, как силикатный кирпич, том Бунина, я иногда отрываю взгляд от страницы и смотрю на стену, где висит ее случайно сохранившийся снимок (Пелевин, эл. публ.).

В этом одном предложении Пелевин направляет читателя по ложному пути и «зада[ёт] ориентир на русскую классику, на вечную – любовную – тему русской литературы» (Богданова 2003: 73). Переслегина утверждает, что «прямая цитата из рассказа И.А. Бунина *Легкое дыхание* является средством создания аллюзии на женский образ» (Переслегина 2011: 505). Используя интертекстуальность и ложные отсылки к русской литературной традиции, повествователь заставляет читателя думать, что речь идёт о женщине и о любовной истории. К концу «одним последним словом – кошка […] разрушается искусно созданная мистификация» и читатель понимает, что он введён в заблуждение (Переслегина 2011: 506). Повествователь дважды шокирует читателя, так как Ника погибает, и становится известным, что Ника — кошка: «я уже никогда не буду стоять у своего окна, держа на руках другую кошку» (Пелевин, эл. публ.). Чтобы размыть границы между человеческим и животным: «основными инструментами манипуляции читательским восприятием являются использование повествователем каламбуров — лексики, которая позволяет описывать и девушку, и кошку» (Баранов 2018: 340). Например, у Ники было «'по-кошачьи' гибкое тело», «темный хвост» и «у неё была привычка подолгу просиживать у окна» (Пелевин, эл. публ.). Автор играет с читателем, а в то же время иронизирует над классической литературой. Он понимает, что на самом деле не важно кто появится на месте традиционной героини. Это может быть кто или что угодно – даже кошка (Баранов 2018: 349).

У повествования в рассказе *Ника* иронический и пародийный тон, а в центре рассказа постмодернистские приёмы как интертекстуальность и языковая игра. У рассказа *Онтология детства* нет пародирования классики, язык отличается простотой в выборе языковых средств, и «не присуща этому тексту тонкая авторская ирония» (Пермякова 2016: 77).

3.2. Контраст миров

В рассказе *Онтология детства* Пелевин создаёт мир детства контрастируя его с миром взрослых. Мир взрослых описан как дурной и жестокий. Взрослая жизнь охарактеризована однообразием. Всё в ней скучно, монотонно, незамысловато и человек быстро от неё устает. Взрослые постоянно двигаются по кругу: «Они всегда начинают день с ругани», а потом «от ругани переходят к шуткам», а «по вечерам они собираются по нескольку человек и кого-нибудь бьют» или водят «тяжелы[е] разговор[ы] о пересменках, нормах и близкой смерти» (Пелевин, эл. публ). Взрослые находятся в цикличном, безвыходном мире и всё время носят «невидимое бревно» (Пелевин, эл. публ). С другой стороны, детское видение мира — свободное, яркое и счастливое. И даже в замкнутом пространстве мальчик чувствует себя свободным. Детское любопытство — это желание понять окружающий загадочный мир. Дети принимают мир с восторгом, и их мечта допускает им увидеть красоту в солнечных лучах, облаках, тенях, окружающих звуках, и беге по коридоре: «ему в коридорах интересно, как в мифологическом лабиринте, каждый поворот которого обещает нечто неизвестное, таинственное, пробуждающее фантазию и любознательность» (Пермякова 2016: 79). Но, этот мир исчезает с взрослением, и мир взрослых разрушает сказочный мир детства, так как «они хотят, чтобы ты стал таким же, как они, им надо кому-нибудь перед смертью передать свое бревно» (Пелевин, эл. публ.). Для героя рассказа перемена начинает, когда все законы тюрьмы распространяются на него: ему надо просыпаться вместе с взрослыми, ходить на общие работы, а потом наступит день, «когда он из соглядатая жизни взрослых, беспощадно избивающих сокамерника, сам превращается в объект избиения» (Пермякова 2016: 79).

В рассказе *Ника* сопоставлены мир кошки и мир главного героя. Главный герой не понимает Нику и он «безуспешно пытается понять внутренний мир своей кошки, чтобы познакомиться с другим взглядом на реальность» (Баранов 2018: 349). Герой совсем устал от своего мира, и он хочет «увидеть какие-то незнакомые способы чувствовать и жить» (Пелевин, эл. публ.). Рассказчика тянет к таинственному миру Ники и он пытается представить, почему она просиживает часами у окна, о чём она думает и что её привлекает в пейзаже за окном. Героя также интересует, куда Ника гуляет по вечерам и в попытке увидеть мир её глазами, он с биноклем в руках смотрит на неё с балкона. Он в ней видит «какую-то иллюзорную одухотворенность; в ее животном […]

бытии был отблеск высшей гармонии, естественное дыхание того, за чем безнадежно гонится искусство» (Пелевин, эл. публ.). Богданова подчёркивает разницы между их мирами и заявляет, что «мир Ники субъективен, неустойчив, подвижен, иррационален и непознаваем» (Богданова 2003: 79). Её мир более открыт, свободен и естествен, так как Ника не ограниченная нормами и правилами человеческого общества.

С другой стороны, мир героя «должен быть объективным, конечным, устойчивым, рационалистичным и познаваемым, т.е. реальным» (Богданова 2003: 79). Герой во всем окружающем ищет порядок и логику. Его мир более замкнут, и он чувствует себя «ограничен[ным] своей точкой зрения на мир, обусловленной жизнью в советской культуре и знакомством с классической русской литературой» (Баранов 2018: 349). В отличие от Ники, которая ко всем относится спокойно, равнодушно и безразлично, герой мучится и не может избавится от своих шумных тревожных мыслей. К концу он раскрывает тайну и понимает, что целый загадочный мир Ники является лишь проекцией его сознания: «я уже понимал, что имею дело не с реально существующей Никой, а с набором собственных мыслей, что передо мной, как это всегда было и будет, оказались мои представления, принявшие ее форму» (Пелевин, эл. публ.).

Если обратимся к упомянутой в введении антитезе мира реального (настоящего) и мира иллюзорного (придуманного), можно прийти к выводу, что в рассказе *Ника* мир героя – мир реальный, а мир Ники – мир иллюзорный. В рассказе *Онтология детства* более сложно определить о каком пространстве идёт речь. Если учитывать точку зрения взрослого повествователя, можно сказать, что мир взрослых – это мир реальный, а мир детства (мир воспоминаний) – это мир иллюзорный. Но нам дается и вторая возможность, если воспринимаем мир из перспективы мальчика в тюрьме. Тогда происходит, что «природа и мир окружающих вещей» – это мир иллюзорный, а «мир социальный» – это мир реальный (Голубович 2008: 128). Можно тогда прийти к выводу, что «мы сами создаем свой мир своей точкой зрения, а то, что когда-то жило, живет лишь нашей памятью» (Баранов 2018: 349).

3.3. Функция предметов и природы

Вещи играют важную роль в жизни мальчика в рассказе *Онтология детства.* Окружающие предметы разговаривают с ним и указывают ему на иной мир. Они выполняют «функции сказки и мифа, обычно раздвигающих границы повседневности» (Голубович 2008: 126). Когда взрослых нет, «все огромное пространство вокруг, все бесконечное множество предметов и положений становилось твоим. И все запреты переставали действовать, а вещи расслаблялись и прекращали что-то скрывать» (Пелевин, эл. публ.). В присутствии взрослых свобода мальчика ограничена и вещи около его «сжимались, уменьшались, скрывали свою глубину» (Голубович 2008: 126). Взросление — процесс, в котором человек теряет возможность обнаружения сущности вещей. Рассказчик утверждает, что «предметы не меняются, но что-то исчезает, пока ты растешь» (Пелевин, эл. публ). Можно предположить, что лишь наша перцепция предметов меняется. Человек не замечает, то что раньше замечал. Те же самые предметы приобретают новые оттенки. Рассказчик это упоминает и на самом начале рассказа: «Иногда только, совсем рано утром, когда просыпаешься и видишь перед собой что-то очень привычное — хотя бы кирпичную стену, — вспоминаешь, что раньше она была другой, как сегодня, хотя и не изменилась с тех пор совершенно» (Пелевин, эл. публ.).

И функция предметов в рассказе *Ника* играет важную роль. Они владеют над главным героем: «Хлам имеет над человеком странную власть. Выкинуть какие-нибудь треснувшие очки означает признать, что целый мир, увиденный сквозь них, навсегда остался за спиной» (Пелевин, эл. публ.). Герой связывает вещи со прошлым и хранит в них обломки своего бывшего «Я». Для него предметы являются «доказательства[ми] реальности бытия» (Пелевин, эл. публ). С другой стороны кажется, что у Ники нет привязанности к вещам и «предметы существовали для неё только пока она ими пользовалась, а потом исчезали» (Пелевин, эл. публ.). Она одинаково относится к людям и к вещам: «для нее окружающие были чем-то вроде говорящих шкафов»; мои руки, скользящие по ее телу, не многим отличаются для нее от веток» (Пелевин, эл. публ.). Герой со временем изменяется и учится у Ники равнодушию: «Я постепенно начал относиться к ней так же, как она с самого начала относилась ко мне – как к табурету, кактусу на подоконнике или круглому облаку за окном» (Пелевин, эл. публ.).

Генис утверждает, что в произведениях Пелевина «все главное […] происходит на 'подоконнике' – на границе разных миров» (Генис, эл. публ.). В оба рассказа именно предметы и природа олицетворяют эту границу. В рассказе *Ника* самую важную роль имеет окно, так как «сквозь это окно герой и Ника смотрели во двор с разных точек зрения» (Баранов 2018: 350). У окна рассказчику, глядя на московский двор, мысли скачут с одного исторического события на другое. Именно там, герой понимает, что когда Ника смотрит на двор, она не «соотносить пламя над мусорным баком с московским пожаром 1737 года», то есть она «видит попросту то, что там находится» (Пелевин, эл. публ.). В рассказе *Онтология детства* окно тоже играет важную роль, так как обозначает границу мира тюрьмы и мира на свободе: «А то, что прилетает из-за окна, — почти единственное свидетельство существования всего остального мира» (Пелевин, эл. публ.). Пермякова отмечает, что между миром взрослых и мальчиков существует множество границ: «[…] это и дверь, которая, к радости детей, закрывается за взрослыми, а дети с восторгом познают тайны окружающих их предметов; это и щель, через которую видно, как бьют какого-то безымянного человека» (Пермякова 2016: 79). Ещё можно добавить, что это и звуки, доносящиеся из-за окна, которые воплощают особый код; это и «кусок газеты размером со сторону чайной пачки», который может трансформироваться в интересную историю (Пелевин, эл. публ.).

Кроме предметов, природа также играет важную роль в обозначении границы между реальным и иллюзорным миром. Блинова утверждает, что некоторые детали пейзажа (туман, тьма, неяркий свет, тусклость красок) являются символами, которые «указыва[ют] на присутствие потустороннего мира и одновременно созда[ют] впечатление неопределенности и зыбкости окружающего мира» (Блинова, эл. публ.) В оба рассказе можно заметить эти детали. В *Нике* «за окном висел ноябрьский чернобушлатный туман», а в *Онтологии детства* «опять начинается зима и за окном будет почти все время темно» (Пелевин, эл. публ.). В *Онтологии детства*, как и в остальных рассказах сборника «Синий фонарь», появляется образ синего фонаря: «выглядываешь в окно: уже темно, и над забором, на столбах которого торчат высокие снежные папахи, горит несколько холодных синих фонарей» (Пелевин, эл. публ.). Синий фонарь тоже сигнализирует потусторонний мир и обозначает стык между мирами (Щучкина 2009: 116).

3.4. Иллюзорность концепта свободы и любви

В рассказе *Онтология детства* «продолжается поиск Пелевиным ответов на вечные вопросы» (Щучкина 2009: 120). Центральные вопросы рассказа: 1. Что такое свобода и существует ли она вообще? 2. Правда ли, что детство – самый свободный и счастливый период в жизни? Во-первых, обратимся к иллюзорности концепта свободы. Мальчик в физическом смысле несвободен, так как он находится в тюрьме. Быков, утверждает, что: «детство — это и есть тюрьма, это время страшной несвободы. Мы ничего не можем в это время, нам ничего нельзя» (Быков, эл. публ.). Однако кажется, что мальчик в этом закрытом пространстве тюремной камере чувствует себе свободным и для него это «пространство наполнено богатой душевной и духовной жизнью. И в этом смысле оно открытое» (Пермякова 2016: 79). Например, мальчику, рассматривая пушистые пылинки в солнечном полосе воздуха кажется что там «есть какой-то особенный маленький мир, живущий по своим законам, и то ли ты сам когда-то жил в этом мире, то ли еще можешь туда попасть и стать одной из этих сверкающих невесомых точек» (Пелевин. эл. публ.).

В отличие от мальчика, взрослые несвободны и в душевном смысле. Они пойманные в ловушку своей перцепции мира как двумерного пространства. Их «реальный» мир не настоящая репрезентация мира, а это только один вариант видения мира. Повествователь описывает процесс взросления и замечает, что когда станешь взрослым: «начинаешь замечать трещины на стенах, тяжелую вонь из пищеблока […], начинаешь догадываться, что и за родимым забором со свежезашпаклеванными выщербинами существует какая-то жизнь» (Пелевин, эл. публ.). Ты начинаешь увидеть иллюзорность своей прежней свободы и понимаешь, «что ты родился и вырос в тюрьме, в самом грязном и вонючем углу мира» (Пелевин, эл. публ.). Роднянская утверждает, что «это постепенное прозрение, равное умиранию, настолько совпадает с внутренним опытом каждого, что само по себе воспринимается как открытие» (Роднянская, эл. публ.). Только во воспоминаниях взрослые могут найти обломки ушедшего мира и, поэтому постоянно тоскуют по детству. Повествователь это осознает: «В детстве счастлив потому, что думаешь так, вспоминая его. Вообще, счастье — это воспоминание» (Пелевин, эл. публ.). Можно прийти к выводу, что переход из мира детства в мир взрослых, не означает освобождение, а только замену физической «тюрьмы» на душевную (и даже ментальную). Следовательно, это указывает на

неожиданное определение понятия детства Пелевиным, которое заключатся в том, что детство в тюрьме и детство как тюрьма парадоксальным образом гораздо лучше, чем жизнь взрослых и жизнь на свободе.

В рассказе *Ника* можно заметить иллюзорность концепта любви. Отношения Ники и главного героя далеко от идеальных. Ника совсем недоступна герою и введёт себя холодно: «Ника, сидящая в полуметре от меня, недоступна, как вершина Спасской башни» (Пелевин, эл. публ.). Герой сначала очень старается улучшить их отношения, но Ника относится к его попыткам равнодушно. Позже его чувства любви смешаются с презрением и сомнением. Читая об их отношении, можно предположит, что в рассказе речь идет либо о безответной любви, либо о какой-то обсессии главного героя. Конечно, все это имеет больше смысла, когда читатель узнает, что Ника – кошка. Но, все-таки, повествователь хочет, чтобы читатель думал, что он говорит о трагичной любви. Он обманывает читателя, не только на уровне женщины-кошки, а и на уровне тематики. Симулируя любовную интригу, повествователь играет с концептом любви. Мне кажется, что в рассказе любви на самом деле нет. Отношения Ники и главного героя совсем основана на телесности. С одной стороны, Ника заботится только о еде и о удовлетворении своих потребностей: «В сущности, она была очень пошла, и ее запросы были чисто физиологическими — набить брюхо, выспаться и получить необходимое для хорошего пищеварения количество ласки» (Пелевин, эл. публ.). Она в герое видит источник всего необходимого для жизни, но на самом деле ей безразлично кто находится на его месте: «я был для нее […] просто раздражителем, вызывавшим рефлексы и реакции, которые остались бы неизменными, будь на моем месте […] любой другой» (Пелевин, эл. публ.). С другой стороны, герой ценит внешность Ники и постоянно говорит о её мистической красоте, «природно[м] изяществ[е] и юност[и]» (Пелевин, эл. публ.). Его любовь к Нике оказывается неестественной и пошлой.

Кроме любви, в рассказе уничтожается ещё одна категория бытия – красота (Блинова, эл. публ.). Сам герой понимает её иллюзорность: «Вся красота, которую я вижу, заключена в моем сердце, потому что именно там находится камертон, с невыразимой нотой которого я сравниваю все остальное» (Пелевин, эл. публ.). На протяжении всего рассказа между Никой и героем есть расстояние, которое не сокращается, несмотря на усилия героя: «Мы были рядом каждый день, но у меня хватило трезвости понять, что по-настоящему мы не станем близки никогда» (Пелевин, эл. публ.). К концу Ника погибает под колесами автомобиля. Её смерть подчеркивает,

что находимся в мире без любви. Вокруг аварии собираются люди, но никто не сострадает с Никой. Даже герой ведёт себя необычно холодно и спокойно: «Я не чувствовал горя и был странно спокоен» (Пелевин, эл. публ.).

4. Заключение

Главными признаками ранней прозы Виктора Пелевина являются пересечение мира реального и мира иллюзорного; задавание вечных вопросов; сомнение как побуждающая сила; обсуждение категорий бытия (смерть, жизнь, любовь); множество кодов и загадок, требующим расшифровки; игра с читателем. В рассказах *Онтология детства* и *Ника* можно заметить повествовательную игру. В *Нике*, например, главная героиня описана как женщина, а в *Онтологии детства* взрослый повествователь маскируется под мальчика. В рассказе *Ника* используется традиционный прямолинейный тип повествования, а в рассказе *Онтология детства* поток сознания. Самая большая разница между рассказами заключается в стиле. В *Нике*, в отличие от *Онтологии детства*, используются постмодернистские приёмы как интертекстуальность, ирония и пародия. Оба рассказа построены на противопоставлении двух миров: мира кошки и мира героя в *Нике*, т.е. мира детства и мира взрослых в *Онтологии детства.* В рассказе *Ника* мир героя – мир реальный, а мир Ники – мир иллюзорный, который придуман героем. В рассказе *Онтология детства* мир взрослых – это мир реальный, а мир детства – это мир иллюзорный, который живет в памяти повествователя. Миры в рассказах Пелевина указывают на возможность мультиреальностей и на то, что на все можно взглянуть с разных точек зрения. Все предметы и явления природы играют также важную роль в повествовании. В мире мальчика они рассказывают сказки, а в мире взрослых молчат. Для Ники предметы существуют только для временного использования, а для главного героя они сохраняют вспоминания. Граница между мирами в рассказах олицетворена образом окна, а детали пейзажа как туман указывают на потусторонний мир. В оба рассказа раскрывается призрачность категорий бытия. В рассказе *Онтология детства* подчёркивается иллюзорность концепта свободы, а в рассказе *Ника* концепта любви.

5. Список использованных источников и литературы

Источники:

Пелевин, О. В. ел. публ. *Ника*. Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/rass/pe-nika/1.html (дата обращения: 18.07.2022)

Пелевин, О. В. ел. публ. *Онтология детства*. Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/rass/pe-det/1.html (дата обращения: 18.07.2022.)

Литература:

Баранов, Д. К. 2018. *К вопросу о повествовательной структуре рассказа В. Пелевина "Ника"*, в: «Вестник СПбГУ. Язык и литература», №3. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-povestvovatelnoy-strukture-rasskaza-v-pelevina-nika (дата обращения: 22.08.2022).

Блинова М. П. эл. публ. *Архетипический подтекст рассказов В. Пелевина.* Режим доступа: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/blinova_m_p/arkhitipicheskij_podtekst_rasskazov_v_pelevina/5-1-0-59 (дата обращения: 20.08.2022).

Богданова О. В. 2003. *'Традиционный постмодернизм' рассказа В. Пелевина 'Ника',* в: «Вестник Санкт-Петербургского университета. История», №1. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-postmodernizm-rasskaza-v-pelevina-nika (дата обращения: 18.07.2022.).

Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. 2008. *Литературные стратегии Виктора Пелевина,* СПБ.: ИД «Петрополис», стр. 79-84

Быков Д. эл. публ. *И никакого розового детства…* Предисловие Дмитрия Быкова к сборнику рассказов Детский мир. Режим доступа: https://rubykov.livejournal.com/2045846.html

Генис А. эл. публ. *Поле чудес.* Эссе о Викторе Пелевине из цикла «Беседы о новой словесности». Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen2/1.html (дата обращения: 20.08.2022).

Голубович И. В. 2008. *Онтология и метафизика детства: Павел Флоренский и Виктор Пелевин (исследовательский этюд)*, в: «ISPC», №1. Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/ontologiya-i-metafizika-detstva-pavel-florenskiy-i-viktor-pelevin-issledovatelskiy-etyud (дата обращения: 18.07.2022.).

Коваленко А. Г. 2014. *Мир игры и игра мирами В. Пелевина*, в кн.: «История русской литературы XX - начала XXI века», стр. 187-193. http://pelevin.nov.ru/stati/ (дата обращения: 18.07.2022).

Крючкова Я.Р. эл. публ. *Творчество В. Пелевина в оценке русской литературной критики.* Режим доступа: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Philologia/8_84857.doc.htm (дата обращения: 22.08.2022).

Макеева К. А. эл. публ. *Творчество Виктора Пелевина,* Режим доступа: http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html

Миллер Л. В. 2002. эл. публ. *Конфликт рассказа В. Пелевина «Ника» в контексте национальной эстетической традиции*, в: ««Мир русского слова», № 1. Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_212 (дата обращения: 23.08.2022).

Переслегина Е. Р. 2011. *Женщина и кошка в рассказе В. Пелевина 'Ника' (анализ ключевого концепта)*, в: «Вестник ННГУ», №6-2. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-i-koshka-v-rasskaze-v-pelevina-nika-analiz-klyuchevogo-kontsepta (дата обращения: 19.07.2022.).

Пермякова, Н. С. 2016. *Концепция детства в рассказе В. Пелевина "Онтология детства"*, в: «Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность : сборник статей Международной научно-практической конференции», Том. Часть 5, стр. 77-81. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26640245 (дата обращения: 22.08.2022).

Роднянская И. Б. ел. публ. *О движении современной прозы,* в: «Движение литературы», Том I, Часть II. Режим доступа: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A0/rodnyanskaya-irina-bencionovna/dvizhenie-literaturi-tom-i/6 (дата обращения: 23.08.2022).

Фрумкин К. ел. публ. *От буддизма к капитализму*, в: «Русский переплет», Критика, Эволюция писателя Пелевина. Режим доступа: http://www.pereplet.ru/avtori/frumkin.html (дата обращения: 12.9.2022).

6. Sažetak

Tema završnog rada je usporedna analiza kratkih priča *Ontologija djetinjstva* i *Nika* Viktora Pelevina. Cilj je rada proučavanje sličnosti i razlika između priča, s naglaskom na njihovu višeslojnost. Obje priče pripadaju ranome stvaralaštvu pisca čija su glavna obilježja supostojanje stvarnog i zamišljenog svijeta, postavljanje ontoloških pitanja i proučavanje kategorija poput smrti, ljubavi i smisla života. U središtu analize nalaze se narativna igra, kontrast svjetova likova, uloga predmeta i prirode, te iluzornost kategorija slobode i ljubavi.

Ključne riječi: *Nika*, *Ontologija djetinjstva*, Pelevin, igra, zamišljeni svijet, stvarni svijet, višestruki svjetovi.

Ключевые слова: *Ника*, *Онтология детства,* Пелевин, игра, мир иллюзорный, мир реальный, множественные миры.

7. Kratki životopis

Tea Jakovina rođena je 26. listopada 1998. godine u Zagrebu. Po završetku opće gimnazije u Zagrebu upisuje dvopredmetni studij Ruskog jezika i književnosti i Engleskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. Godine 2021. upisuje diplomski studij na Odsjeku za anglistiku, prevoditeljski smjer.